

За исключением короткой весны Рейнке почти постоянно находилось в состоянии военной готовности, поэтому дисциплина здесь была крайне строгой. К тому же сам герцог, стоявший во главе, был суровым правителем, болезненно нетерпимым к нарушению правил. В первые дни после вселения Руан, почти ничего не знавший о Рейнке, часто слышал истории о тех, кого герцог лично наказал за проступки.

Особенно часто вспоминали времена падения Рейнке.

Это был страшный период: монстры растоптали владения, прежний герцог погиб во время хаоса. Новый, совсем юный правитель пытался собрать разрозненных людей, больше похожих на разбитых беглецов, и вернуть землю, но тогда Рейнке находилось в таком отчаянном положении, что надежда казалась невозможной.

Когда кажется, что сколько ни борись — выхода всё равно нет, всегда находятся те, кто выбирает «лёгкий» путь. В те дни немало жителей Рейнке показали своё истинное лицо и предали тех, с кем жили бок о бок.

Казначей попытался бежать, присвоив остатки ресурсов. Рыцари во время операций бросали свои обязанности и спасались бегством. Одни распространяли ложные сведения, думая лишь о собственном спасении, другие присваивали припасы, занимались грабежами и насилием.

Видеть, как соседи, с которыми жили поколениями, превращаются в таких людей, и терпеть ущерб от их поступков было особенно тяжело. И без того низкий боевой дух падал ещё сильнее. Рейнке, однажды сломленное монстрами, оказалось на грани нового краха — уже по вине людей.

Именно тогда порядок навёл только что ставший великим герцогом Дитрих Рейнке. Молодой правитель собственноручно карал тех, кто нарушал дисциплину. В те дни кровь проливалась почти ежедневно.

Холодная решимость, харизма и подавляющая сила, которые тогда продемонстрировал Дитрих Рейнке, навсегда врезались в память людей, чья надежда дрожала, словно свеча на ветру.

И без того известный как беспощадный и выдающийся наследник, Дитрих окончательно утвердился как правитель, внушающий благоговейный страх. Сплотив вокруг себя оставшихся, он сумел вернуть Рейнке и начать его восстановление.

Жесткость характера и сила, которая с каждым днём становилась всё менее человеческой, лишь усиливали это благоговение.

Поэтому истории обычно заканчивались одинаково: великий герцог — человек великий и достойный уважения, но вместе с тем невероятно страшный, так что лучше быть осторожнее. Он может казаться безразличным, но видит все ошибки, и в самый неожиданный момент отрубит голову.

Руан слышал подобное столько раз, что даже история о вассале, которому однажды внезапно отсекли голову, вызвала у него лишь мысль: «Похоже, он и правда может убить без всяких объяснений. Надо жить как можно осторожнее».

Но теперь, оглядываясь назад, он понял, что в той истории было нечто тревожное.

«Во-первых, герцог никогда бы не стал без причины сокращать число людей, когда его владения находились под угрозой. Значит, как и предполагали остальные, тот вассал действительно был виновен».

И вина эта, похоже, была такой, что герцог — человек, считающий всякого, кто приблизился к нему достаточно близко, частью своей территории, без колебаний уничтожил того, кого обычно держал рядом.

Однако, в отличие от остальных, чьи преступления были известны, причина его казни так и не стала достоянием общественности. Люди знали лишь, что однажды он лишился жизни по воле герцога.

Человек, имевший постоянный доступ к правителю, глубоко связанный с самым центром Рейнке. Неизвестная, но серьёзная угроза, которую он принёс в владения герцога. И жители Рейнке, не подозревающие, что бедствие, едва не уничтожившее их землю, началось с интриг шпиона Фолькера — в отличие от самого герцога, который знал правду.

В отличие от прежних времён, когда он почти ничего не знал о герцоге, теперь Руан понимал о нём гораздо больше. И вдруг в голове всплыла одна тревожная мысль.

«Неужели... тот человек, который был так близок к герцогу, и был шпионом Фолькера?»

Однажды возникшее подозрение не отпускало его даже после безумно насыщенного дня. Оно продолжало крутиться в голове, пока Руан наконец не вернулся в спальню.

«Человек, близкий к герцогу... и шпион, едва не погубивший Рейнке...»

С тяжёлыми мыслями он вошёл внутрь.

— Ваша Светлость, я вернулся.

Похоже, герцог уже был здесь. На кровати сидел кот и старательно вылизывал себя. Судя по всему, ухаживать за густой шерстью на груди оказалось непросто. Когда он повернулся к Руану, во рту у него застрял целый клочок меха.

Учитывая короткую кошачью шею, выглядело так, будто самому ему с этим не справиться.

Руан протянул руку, и герцог, вместо того чтобы насторожиться или отстраниться, спокойно позволил ему коснуться себя.

Аккуратно вытаскивая застрявшую шерсть, Руан невольно подумал:

«И этот кот когда-то подпустил к себе человека, который, возможно, оказался шпионом...»

Когда надоедливый клочок наконец исчез, кот словно облегчённо вздохнул и тут же растянулся на спине, выставив живот. Куда только делась твёрдость, которую он излучал в человеческом облике? Перед ним лежал мягкий, тёплый, совершенно беззащитный комочек шерсти, смотревший на него с тем же строгим и серьёзным выражением, будто спрашивая: «Ну и чего ты застыл?»

Руан крепко зажмурился.

«Так больше нельзя».

Он не мог позволить кому-то наживаться на доверии этого кота и свободно разгуливать по его территории. Он тянул с разговором, не зная, как начать, но чем дольше медлил, тем больше времени оставалось тому, кто, возможно, продолжал предавать герцога и Рейнке.

Значит, лучше сказать прямо.

— Ваша Светлость. Мне нужно кое-что рассказать.

Услышав серьёзный тон, кот поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Говори.

В следующее мгновение он уже стоял перед Руаном в человеческом облике. Руан поспешно набросил на него одеяло, прикрывая обнажённое тело, и заговорил:

— Ваша Светлость, вы помните, что сказал император перед тем, как мы покинули столицу?

Герцог слегка поморщился.

— Этот человек слишком много говорит. О каких именно его словах ты сейчас?

Стоило лишь вспомнить Фолькера, как настроение герцога заметно испортилось. Хвост, торчавший из-под одеяла, начал нервно хлестать из стороны в сторону. Видя это, Руан осторожно продолжил:

— Я говорю о слухах в Рейнке... о наших с вами отношениях, которые тогда упомянул император.

— Помню.

Движения хвоста стали ещё резче. Руан невольно подумал, что, возможно, стоило выбрать другой способ начать разговор, но отступить было уже поздно. Собравшись с мыслями, он всё же произнёс то, что долго не решался сказать:

— Похоже, в Рейнке есть человек, который служит императору глазами... и при случае станет его рукой. И, по правде говоря... дело не только в его ушах.

В тот же миг хвост, до этого беспокойно двигавшийся, резко застыл и вздыбился.

Руан тихо сглотнул, глядя на напрягшиеся плечи и яркие глаза, в которых зрачки тревожно сужались и расширялись. Герцог был в ярости — такой, какой Руан ещё ни разу не видел.

Из приоткрытого рта, обнажившего клыки, вырвался низкий, глухой голос:

— Значит, в моём владении снова расплодился крысы.

Сравнение было почти точным. Подхватив его, Руан продолжил:

— Да. Проблема в том, что они похожи на крыс. Сколько ни ловишь, всё равно появляются новые, выползая неизвестно откуда.

При мысли, что даже сейчас в его владениях кишат такие «крысы» и будут появляться снова, взгляд герцога вспыхнул ещё ярче. Кончик вытянутого хвоста мелко дрожал, будто он был готов в любую секунду броситься на врага. Но именно поэтому Руан должен был сказать всё до конца.

— Я подумал... если полностью избавиться от них невозможно, может, лучше держать их на виду и контролировать?

— То есть не убивать каждую встречную, а оставить крыс рядом, на расстоянии лапы?

В голосе герцога звучало явное непонимание, и Руан заговорил как можно спокойнее:

— Да. Нужно выявить их, держать под наблюдением и приучить питаться только тем, что даём мы. Чтобы они не стремились к большему, даже не думали об этом и действовали лишь в пределах, которые вы позволите.

Уничтожение шпиона решает проблему лишь на время. Это лишь даст подозрительным членам императорской семьи новый повод опасаться Рейнке и прислать ещё кого-нибудь. Но если тех, кого они послали, удастся взять под контроль...

— Тогда, полностью приручив их, можно будет заставить работать в ваших интересах.

Их можно обратить в щит, защищающий Рейнке, или в кинжал, направленный против врага.

— Они сами внедрили шпионов и даже не скрывают этого. Значит, должны быть готовы к последствиям.

Герцог некоторое время молча смотрел на него, а затем медленно произнёс:

— Раз ты говоришь об этом так уверенно, значит, уже придумал, как выловить этих крыс и загнать в клетку.

Руан не стал отрицать. Он и правда уже нашёл следы шпионов, а пока размышлял, как лучше поговорить с герцогом, успел подготовить почву, так, что после разрешения можно было сразу начать действовать.

— Да. Но если вам этот способ не по душе...

Он как раз собирался сказать, что понимает — для кота идея не уничтожать угрозу, а держать её рядом и контролировать вряд ли покажется привлекательной.

— Делай так, как считаешь нужным.

Герцог произнёс это внезапно. Голос всё ещё рычал от неутихшей злости, но разрешение прозвучало спокойно и без колебаний. Руан невольно растерялся. Он ожидал совсем иной реакции. Заметив это, герцог тяжело вздохнул, словно пытаясь усмирить собственные эмоции.

Только тогда Руан заметил, что прижатые назад уши, которые ещё недавно ясно говорили «я ничего не хочу слышать», незаметно повернулись в его сторону.

Безопасность территории была для герцога вопросом, проходившим через всю его жизнь. Более того, шпионы уже однажды едва не привели Рейнке к гибели. Неудивительно, что даже сейчас, услышав об этом, он пришёл в ярость, какой Руан прежде не видел. Поэтому и начинать разговор было страшно, и предлагать способ, идущий вразрез с его привычками, — тоже.

— Это и правда не тот путь, который выбрал бы я, — медленно произнёс герцог. — Мой способ — ловить крыс до тех пор, пока ни одной не останется на виду. Но это ведь твой выбор. А

значит, каким бы ни был метод, в итоге он служит мне и моему владению.

Он говорил так, словно даже в столь важном вопросе готов довериться Руану целиком. Даже если сам до конца не согласен. Почти так же, как прежде, когда Руан внезапно протягивал руку, а герцог вместо того, чтобы отстраниться, спокойно позволял коснуться себя.

Хвост всё ещё нервно двигался, раздражение никуда не исчезло. Но в глазах было лишь чистое, безусловное доверие.

И, встретившись с этим взглядом, Руан вдруг вспомнил герцога в те самые первые дни их знакомства.

<http://bllate.org/book/12567/1117877>